

«НАРОДНОЕ ГОСУДАРСТВО» ГИТЛЕРА

Götz Aly, Hitlers Volkstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt am Main, 2005, 444 с.

Среди немецких историков, изучающих самый мрачный и позорный период истории своей страны – 12 лет нацистской диктатуры, – Гётц Али занимает особое место. Его работы привлекают внимание не только специалистов, но и широкой публики. Так произошло и с нынешней – на нее откликнулись едва ли не все сколько-нибудь заметные органы немецкой печати. По общему мнению, книга Али «Народное государство Гитлера. Грабеж, расовая война и национальный социализм» – это, бесспорно, новая попытка истолкования исторического феномена, известного как «Третий рейх».

Али задался простым и вполне естественным вопросом: в чем причина многолетних успехов Гитлера, поддержки его огромным числом немцев? Как могло столь очевидно мошенническое и преступное предприятие, как национал-социализм, добиться столь высокой, сегодня едва ли обсяжимой степени интеграции общества?

Конечно, насаждаемая и разжигаемая сверху ненависть против «неполноценных», «инородцев», «евреев», «большевиков» и пр. была существенной предпосылкой. Однако в предшествующие десятилетия немцы были не более отягощены ею, чем другие европейцы, их национализм был не более расистским. Утверждение о раннем развитии в Германии особого, специфичного для нее «истребительного антисемитизма» и ненависти к «чужакам», по мнению Али, лишено оснований.

Ответ автора состоит в понимании нацистского режима как «услужливой (по отношению к подавляющему большинству немцев – С.М.) диктатуры». Гитлер, гауляйтеры, значительная часть министров, статс-секретарей и пр. действовали как классические политики-популисты, постоянно озабоченные настроением управляемых. Они ежедневно задавались вопросом, как добиться их удовлетворенности, улучшить их самочувствие. Каждый день они заново покупали их одобрение или по меньшей мере нейтралитет.

Программа «национального социализма» была не только пропагандистским лозунгом, во многом ее реализовывали на практике. Вот говорящий сам за себя перечень мер социальной политики, осуществленных до войны: введение оплаченных отпусков для рабочих и служащих; удвоение числа нерабочих дней; развитие массового туризма, в том числе для рабочих; создание первой модели дешевого «народного» авто; поощрение семей с детьми (выплата пособий) за счет холостяков и бездетных пар; начатки развитой затем в ФРГ системы пенсионного обеспечения; введение прогрессивного налогообложения. К ним следует добавить защиту крестьян от неблагоприятных последствий капризов погоды и колебаний цен на мировом рынке; защиту должников от принудительного взыскания долга путем описи и продажи имущества (должников по квартплате – от выселения). Понятно, что все это способствовало популярности режима.

Во время войны нацистское руководство, учитывая уроки войны 1914-1918 гг., прежде всего озаботилось продовольственным снабжением населения, организовав его так, чтобы простыми людьми оно ощущалось как справедливое. Повышенные нормы выдачи были связаны с более тяжелой работой или особыми, вызванными состоянием здоровья потребностями. Это имело следствием рост симпатий к режиму, что отмечалось даже его противниками. Во-вторых, и тоже учитывая уроки прошлого, власть постаралась не допустить безудержной инфляции и краха немецкой валюты. В-третьих, обеспечила семьи солдат деньгами (они получали 85% чистого заработка кормильца до призыва, в то время как семьи британских и американских

солдат – менее половины). Военнослужащие слали родным посылки из оккупированных стран, отпускники тащили домой мешки, чемоданы, сумки весом в десятки килограммов. С учетом жалования и довольствия военнослужащих подавляющее большинство немцев жило во время войны лучше, чем до нее. Это «военно-социалистически подслащенное благосостояние» позволяло поддерживать дух масс, побуждая их вытеснить из сознания преступную подоплеку такой политики.

Средства осуществления ее вскрывают ключевые цифры, резюмирующие сложные и трудоемкие подсчеты, произведенные автором: по меньшей мере две трети реальных немецких доходов во время войны происходили из иностранных (оккупированные и вассальные страны) и «расово-чуждых» (евреи, иностранные принудрабочие) источников; оставшаяся треть делилась между социальными слоями немецкого общества крайне неравномерно – 1/3 его (наиболее зажиточные) вносили 2/3 налогового бремени, в то время как 2/3 (широкие массы) – лишь 1/3.

В годы войны большинство (на 1943 г. – 70%) немцев – рабочие, мелкие служащие, мелкие чиновники – не платили прямых военных налогов; крестьяне имели существенные налоговые льготы; пенсии в 1941 г. были повышены (это ощутили особенно мелкие пенсионеры). Все предложения финансовых специалистов об усилении налогообложения отвергались руководством рейха «по политическим соображениям». Обратной стороной этой политики было повышенное налогообложение буржуазии: 75% внутринемецких военных налогов вносили предприятия и получатели высоких доходов.

Та же забота о «благе народа» характеризовала и «генеральный поселенческий план Ост», разрабатывавшийся с 1939 по 1942 гг. В своей окончательной форме он предусматривал вытеснение из европейской части СССР «в сторону Сибири» до 50 млн. славян, место которых должны были занять немецкие колонисты.

Расовая теория нацистов справедливо расценивается как идейная подготовка и обоснование ненависти и массовых убийств. Но для миллионов немцев она была привлекательна другой своей стороной – обещанием равенства внутри нации. Нацизм, показывая Али, действительно обеспечил немцам большее социальное равенство и большие возможности социальной мобильности, нежели имевшиеся в кайзеровском рейхе и Веймарской республике.

Нацистская идеология, подчеркивая различия вне нации, смягчала классовые различия внутри. Это ощущалось в организациях «гитлерюгенда», Союза немецких девушек, при прохождении имперской трудовой службы, в организациях партии и, хотя более медленно, даже в вермахте.

Война ускорила демонтаж социальных перегородок. Большие потери командного состава заставили с октября 1942 г. открыть путь к офицерским должностям людям без законченного школьного образования. И это было встречено в широких слоях населения «восторженно». Согласно нюрнбергским законам 1935 г. новые браки между «арийцами» и евреями были запрещены, зато впервые в истории Германии офицер мог жениться на дочери рабочего, если не существовало, конечно, биологических противопоказаний.

Итак, резюмирует Али, посредством грабительской расовой войны неслыханных масштабов нацизм обеспечил немцам невиданную ранее степень благосостояния, социального равенства и вертикальной социальной мобильности. Вот почему режим чудовищных массовых преступлений был в то же время режимом огромной популярности. Отсутствие сколько-нибудь эффективного внутреннего сопротивления, равно как и последующего чувства вины, Али объясняет этой исторической констелляцией.

Новизна такой трактовки состоит именно в раскрытии органической связи «народного» («социального») государства с преступлениями – в противоположность господствующему подходу, отрывающему чудовищные жестокости нацизма от тех акций режима, которые сделали его столь привлекательными для огромного большинства (до 95%) немцев.

Центральной темой книги, как уже говорилось, является финансирование войны. Бюджетная политика Гитлера, как показывает Али, с самого начала была авантюрной, ориентированной на ожидаемые будущие доходы (поэтому с 1935 г. он запретил обнародование госбюджета). Перевооружение Германии, позволившее ликвидировать безработицу и повысить покупательную способность масс, осуществлялось за счет гигантских кредитов, приведших к быстрому росту внутреннего государственного долга. Бюджеты сводились с огромным дефицитом, и к концу 1937 г. Германия стояла на пороге банкротства. Выход был найден во внешней экспансии (аншлюс Австрии, захват Судетской области, а затем и остальной Чехословакии) и экспроприации евреев

(путем наложенного на них после «Хрустальной ночи» «штрафа» в размере 1 млрд. рейхсмарок, а затем «ариизации» еврейской собственности).

Финансирование начатой войны было организовано нацистским руководством при деятельной помощи менеджеров государственных и частных финансов как огромное мошенничество. Чтобы не лопнуть, оно должно было каждый раз покрываться выгодным победоносным миром. Этот мир должен был обеспечить удовлетворение «повешенного» потребительского спроса внутри страны и погашение военных долгов. Чем дольше шла война и чем больше средств она сжирала, тем больше должна была быть добыча и, следовательно, тем бесчеловечнее обращение с покоренными.

Нацисты выжимали из оккупированных стран колоссальные контрибуции, разрушая этим их национальные валюты, высасывали миллионами тонн продовольствие для прокорма оккупационных войск и отправки в Германию. Их лозунгом было: если во время войны кто-то должен голодать, пусть голодают другие; если военная инфляция неизбежна, пусть от нее страдает в первую очередь население покоренных стран.

Материальное стимулирование повышенного настроения немцев за счет других составляло существенную цель правления на каждом этапе. Государство в целом превратилось в колоссальную машину для грабежа, а отдельные граждане – в извлекателей выгод и пассивно подкупленных. В распоряжении простых людей оказались вещи, о самом существовании которых они за пару лет до того не подозревали. И это было лишь предвкусием того, какой станет жизнь после войны, какие блага она сулит. Обратной стороной была нечистая совесть и ощущение, что после всего происшедшего есть лишь одна альтернатива – победить или погибнуть.

С редкой для обычных историков компетентностью Али прослеживает финансово-экономический механизм нацистского грабежа. Если в оккупированных странах Западной, Северной и Южной Европы вермахт (за исключением хаотических недель отступления в самой последней фазе войны) расплачивался за реквизиции и закупки «билетами имперской кредитной кассы» или местной валютой, вследствие чего масштабы их ограбления можно хотя бы приблизительно вычислить по величине израсходованных денежных сумм, то на оккупированных территориях Советского Союза порядок был иным: дензнаки задействовались лишь частично, а значительная часть присвоенного оформлялась т.н. «квитанциями» или просто не оформлялась.

Большое место в книге занимает анализ финансово-экономических последствий ограбления евреев в оккупированных и зависимых от немцев странах. Продажа отнятой у них собственности позволяла выбрасывать на рынки капитала, недвижимости, вещевые рынки и в розничную торговлю дополнительное количество благ и таким путем частично удовлетворять повсеместно резко увеличившийся спрос на товары повседневного обихода и ценные вещи. Конечно, причиненные войной и немецким ограблением Европы дыры в снабжении населения не могли быть закрыты полностью, но на какое-то время, в каких-то местах – существенно уменьшены.

На вопрос: куда девалось имущество ограбленных, депортированных и умерщвленных? – Али дает четкий ответ: их золото, драгоценности, часы, украшения, их одежда, предметы обихода, оборудование их мастерских и лавок, их валюта и ценные бумаги, их дома и хозяйственные постройки – все это продано местному населению (основные ценности оказались в руках биржевиков и коммерсантов). Ну, а денежный эквивалент различными, большей частью обходными путями поступил в немецкие военные кассы. Полученными таким путем национальными дензнаками других стран оккупанты оплачивали местные товары и услуги, приобретаемые для нужд их войск и гражданского населения рейха, выплачивали жалованье своим солдатам.

Еще одним способом эксплуатации и ограбления других народов в пользу немцев был рабский труд миллионов иностранных рабочих в Германии (часть вербовалась туда добровольно, однако большинство составляли пригнанные). Не говоря уже о том, что труд этих людей оплачивался хуже равноценного труда немцев (рабочим из Польши и Советского Союза – самым дискриминируемым – за равный труд предприятия платили на 15-40% меньше), их облагали более высоким подоходным налогом плюс особым налогом в размере 15% заработка. Евреи, цыгане и «остарбайтеры» платили в итоге в три раза больше, нежели работающие рядом немцы. Именно поэтому, а также за счет вольнонаемных польских рабочих, поступления от подоходного налога в казну рейха во второй половине военного времени увеличились вдвое.

То, что оставалось иностранным рабочим после вычета налогов, социальных взносов и стоимости содержания в «трудовом лагере», принудительно отправлялось на их «сберегательные счета». Деньги оттуда можно было снять лишь по возвращении на родину, т.е. после окончания

войны, победоносного для Германии. «Берлинское бюро Центрального хозяйственного банка Украины», куда предприятия переводили эти «сбережения», было, как отмечает Али, одним из псевдонимов кассы германского рейха.

Таково вкратце основное содержание книги Али. В тесной связи с ним находится сюжет, также трактуемый по-новому – об отношениях нацистского руководства и традиционных элит (юристов, дипломатов, генштабистов, особенно экономистов и финансистов) при проведении в жизнь описанной политики.

Али детально прослеживает роль, которую руководство и ведущие специалисты финансово-хозяйственных ведомств – минфина, рейхсбанка, имперской кредитной кассы, интендантского управления вермахта – играли в добывании денег для ведения войны и подкармливания немцев. Именно чиновники минфина и рейхсбанка изобрели практику множества счетов, позволявшую переводя награбленные деньги с одного на другой и смешивая их с деньгами иного происхождения, запутать и скрыть их источник. Система «имперских кредитных билетов» – тоже их ноу-хау. Никаких указаний сверху не потребовалось, чтобы ввести в действие порядок, в соответствии с которым переводы иностранных рабочих их семьям за границей выплачивались не в рейхсмарках, а в валютах соответствующих стран. Это же относится к экспертам минпрода, установившим, какие группы населения должны снабжаться по резко пониженным нормам (прежде всего евреи, затем советские военнопленные, затем душевнобольные и т.д.). Достаточно было принципа, провозглашенного Гитлером: хорошо то, что полезно для немцев, о методах он не требует отчета.

Между политическим руководством и чиновниками-специалистами возникали иногда различия взглядов по вопросу о том, как быстро и какими методами Европа должна быть ограблена. Первое, как правило, ориентировалось на краткосрочный, второе – на среднесрочный эффект: они хотели еще какое-то время подоить корову и дать ей принести теленка, прежде чем отправить на бойню. Нацистские же главари мыслили в категориях политического выживания. Их лейтмотив – любой ценой добиться в кратчайший срок (пара недель или пара месяцев) соответствующей цели, чтобы удержаться на плаву.

Эти противоречия, порожденные ими трения и стычки (картина насквозь авторитарного вождистского государства, по мнению Али, неверна) в конечном счете шли на пользу системе. Сохраняющаяся возможность выявлять различия, ставить вопрос об оптимальном пути – все это помогало добиваться высокой эффективности. Без тонкой корректирующей доводки, компетентной выверки подчас безрассудно рискованных импровизированных акций нацистского руководства, без этого «убийственного сплава политического волюнтаризма и функциональной полиальности» чудовищные преступления не могли бы осуществиться. Взаимодействие политиков, экспертов и большинства населения – вот что лежало, по Али, в основе свершившегося.

И здесь мы возвращаемся к основному, наиболее болезненному выводу Али: «Система была создана для общей выгоды немцев. Каждый принадлежавший к «расе господ» – а это были не только какие-то нацистские функционеры, но 95% немцев – в конечном счете имел какую-то долю в награбленном – в виде денег в кошельке или импортированных, закупленных в оккупированных, союзных или нейтральных странах и оплаченных награбленными деньгами продуктах на тарелке. Жертвы бомбежек носили одежду убитых евреев и приходили в себя в их кроватях, благодаря Бога за то, что выжили, а партию и государство – за оперативную помощь. «Холокост, – заключает Али – остается непонятым, если не анализируется как самое последовательное массовое убийство с целью грабежа в современной истории».

Такой ответ на вопрос о причинах происшедшего решительно расходится с принятыми из «национально-педагогических» соображений объяснениями, возлагающими ответственность на отдельные лица или группы – безумного, якобы харизматичного диктатора и его окружение или на банкиров, руководителей концернов, генералов и т.д. В ГДР, ФРГ, Австрии, констатирует Али, применялись различные стратегии самозащиты, но с одной и той же целью – обеспечить большинство населения спокойную жизнь и чистую совесть.

Али понимает, конечно, сколь ответственен сделанный им вывод: «Когда я говорю о «немцах», это понятие тоже относится к числу коллективистских обобщений... И все же, при всем его несовершенстве оно кажется мне несравненно более точным, чем сильно суженное «нацисты». Ибо Гитлеру снова и снова удавалось расширить базу общественного согласия с его режимом далеко за пределы круга членов и избирателей его партии. Конечно, были немцы и немки,

которые оказывали сопротивление, страдали и гибли в борьбе; немецкие евреи тоже были немцами, понимали себя как таковых, зачастую не без гордости. И все же выгоды из ариизации извлекали именно немцы (включая австрийцев), понимая под этим словом 95% населения. Тот, кто заявляет, что это были лишь отъявленные наци, уходит от реальной исторической проблемы».

Перефразируя слова известного философа Макса Хоркхаймера: «Молчущий о капитализме не должен рассуждать о фашизме», — Али завершает книгу собственной максимой: «Тот, кто не желает говорить о выгодах миллионов простых немцев, пусть молчит о национал-социализме и Холокосте».